

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 844-853
DOI: 10.13187/bg.2025.2.844

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Imperial Narrative in the Discourse of Tashkent in the second half of the XIX – early XX centuries

Sadokat M. Matkarimova ^{a, *}, Shakir K. Yusupov ^a, Yuldash K. Yuuldashev ^a, Nafosat X. Botirova ^b

^a Mamun University, Khiva, Republic of Uzbekistan

^b Urgench State University named after Abu Rayhan Beruni, Urgench, Republic of Uzbekistan

Abstract

The article, based on the materials of travel essays and memoirs of travellers to Central Asia, reveals imperial representations of the ways and variants of the development of the Turkestan region, cultural integration of the indigenous population into the Russian society in the second half of the 19th – early 20th centuries. The subject of the study is the imperial narrative of Tashkent's representations as an outpost of Russian colonisation on the eastern outskirts of the country. The choice of chronological boundaries is explained by the special interest of imperial experts in the constructed urban space of Turkestan, the process of which started with the conquest of Tashkent by the corps of General-General Tashkent. The process started with the conquest of Tashkent by Lieutenant-General M.G. Chernyaev's corps and continued in the first decade and a half of the twentieth century. The study has established the ubiquitous presence of the imperial narrative in the texts of experts, which was captured in the rhetoric of Russia's military superiority in the implementation of its civilising mission in the East and became the basis for the formation of the discourse of Tashkent as a centre of imperial dominance in the political sphere. Detailed descriptions of Tashkent in travel materials, reports, and essays also made it possible to state the importance for experts of organising economic industries in Turkestan in accordance with Russian agricultural traditions, which was accompanied by the exoticisation of the lifestyle and economic activities of the indigenous population.

The image of Tashkent created by the authors was built in accordance with the ideas of Russian intellectuals about the classical oriental model of interaction between 'civilisation' and "barbarism", communication between a 'man of power and culture' and an imperial subaltern in need of outside influence. To this end, the compilers of the materials represent in their texts two Tashkents: 'native', foreign and Russian – military, bureaucratic, bringing to the fore the imperial principle of cultural distance in the organisation and functioning of social space.

Keywords: imperial narrative, discourse, imperial experts, Tashkent, Turkestan region, Russian Empire.

1. Введение

Военное завоевание и присоединение Туркестанского края к России во второй половине XIX – начале XX в. повлекло за собой не только административное, политическое и хозяйственно-экономическое обустройство и «обживание» вновь обретенных и инкорпорируемых в имперское пространство территорий, но и ментальное освоение «собственного Востока России», которое, по утверждению В. Тольц, выражалось в наборе аргументов и нарративов для описания, объяснения и оправдания колониальной экспансии (Тольц, 2013: 51).

* Corresponding author

E-mail addresses: sadokatmatkarimova@yandex.ru (S.M. Matkarimova), shakiryusupov75@gmail.com (Sh.K. Yusupov), yuldashevy07@gmail.com (Yu.K. Yuuldashev), nafosatbotirova90@gmail.com (N.X. Botirova)

В исследуемый хронологический период в сообществе российских интеллектуалов – учёных-путешественников, публицистов, общественных деятелей, части имперской бюрократии – формировался дискурс русского Туркестана, заметное место в котором занимали города азиатской периферии, встраиваемые в социокультурную ткань Российской империи. Один из лидеров областничества Г.Н. Потанин, характеризуя сибирские города, определял их как «точки на общественном теле Сибири, которыми она воспринимает лучи света, идущие с Запада» (Потанин, 1908: 235). В этой формуле, как в своеобразном зеркале, отразилось понимание российским интеллектуальным сообществом, выращенным в условиях влияния просветительской идеологии, собственных восточных окраин как предмета покорения, опеки и распространения государственного влияния. Соответственно, города рецептировались как объекты имперского присутствия, реализуемого не только средствами доминирования и принуждения, но и с опорой на сообразные моменту и культурной ситуации практики управления территориями и людьми, являвшимися представителями иных этносов, вероисповедальной принадлежности, стереотипов социального поведения.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении имперского нарратива, его содержания и динамических характеристик в репрезентациях г. Ташкента российскими путешественниками, учёными, чиновниками, посетившими Туркестанский край в период 1865–1914 гг. Хронологические параметры исследования определяются нижней границей – взятием Ташкента корпусом генерал-лейтенанта М.Г. Черняева, верхним пределом – 1914 г., ознаменовавшим начало Первой мировой войны и снижение исследовательской активности центральной и региональной интеллигенции.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили записки, очерки, воспоминания путешественников, публицистов, чиновников, в разные годы и с разными поручениями посетивших Туркестанский край в период военного завоевания, распространения российских практик административного управления и социокультурной инкорпорации региона в состав Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Достижение поставленной в работе цели и решение частных задач исследования направляло авторов к внимательному прочтению и анализу тех фрагментов текстов имперских экспертов, в которых репрезентировались непосредственно «ташкентские» сюжеты: представления о городе как форпосте российской колонизации Центральной Азии, соотношении военного и гражданского населения в Ташкенте, организации моделей политического и экономического доминирования России, этнографической карте города и выстраивании принципов организации культурной дистанции между элитами и коренными его обитателями.

В методологическом плане решение задач исследования определялось подходами новой имперской и новой культурно-интеллектуальной истории, получившими признание на рубеже XX – XXI вв. В аспекте самоопределения новой имперской истории в современной исследовательской ситуации концепт «империя» перестаёт быть просто историческим термином, характеризующим ситуацию политического господства, и приобретает статус аналитической модели, позволяющей говорить об империи как категории культуры (В поисках..., 2004: 16). В сложившейся теоретико-методологической ситуации появляются основания для смещения интереса историка, работающего с имперским материалом, от изучения событий к осмыслению состояний, и прежде всего – имперского дискурса, фиксируемого в нарративах современников формирования и эволюции имперской ситуации в условиях колониальной экспансии и практик внутренней колонизации Российской империи.

В известной степени такой поворот в исследовании империи оказался продуктивным вследствие лингвистического поворота как языковой революции в социуме и историографии, что предопределило осмысление исторической реальности в формате дискурсивных практик, смысл которых сводится к воссозданию исследователем прошлого в собственном сознании. В данной связи обращение к проблеме конструирования имперского нарратива в репрезентации объектов имперских действий России на восточных окраинах, в том числе городов Туркестанского края, имеет исследовательские перспективы и обеспечивается инструментальными возможностями метода дискурс-анализа (Филлипс, Йоргенсен, 2008; Макарова, Мишланова, 2024) и предполагает ряд процедур: выявление участников коммуникации и их идентичности (авторы текстов); установление социокультурного контекста коммуникации (внутренние и внешние условия, речевые особенности эпохи, ситуационные обстоятельства); выявление формы коммуникации: прямая, косвенная, опосредованная, неопосредованная; определение видов коммуникативной деятельности: говорение, слушание, чтение, письмо; реконструкция содержательной составляющей: тема дискурса (имперский нарратив Ташкента).

3. Обсуждение

Вопросы имперского нарратива в дискурсе российской колонизации в современной отечественной науке являются органичной частью постколониальных исследовательских штудий, в системе координат которых конструирование образа Востока в многочисленных текстах современников и участников колонизации рассматривалось как способ ментального освоения

пространства и формирования в сознании общества и власти представлений о «собственном Востоке России» (Эткинд и др., 2012; Толыц, 2013; Беккер, 2024).

В данном контексте в «оптике» исследовательского интереса учёных, чьи ориентиры располагаются в поле междисциплинарных подходов к осмыслению исторической реальности, заметное место занимают сюжеты репрезентации городов азиатской периферии, отражавших и реализовывавших на восточных окраинах имперские практики военного, политического и социокультурного доминирования (Левтеева, 1986; Суворова, Кадиков, 2015; Абашин, 2016; Козинцев, Почекаев, 2022; Чуркин, 2022; Токмурзаев, 2022).

В целом, сложившаяся историографическая традиция предоставляет учёным возможность обращения к широкому кругу текстов имперских экспертов и деконструкции имперских нарративов как важного составляющего элемента репрезентаций представлений общественных сил о перспективах продвижения России вглубь азиатских территорий, а также практик освоения колонизируемых пространств во второй половине XIX – начале XX в.

4. Результаты

В рамках исследовательского проекта «Новая имперская история», сместившего акценты от изучения структур и событий к дискурсам, культурным программам и технологиям власти, центральным сюжетом является рефлексия имперских моделей организации социального пространства, которое, будучи дискретным, сохраняет свою административно-территориальную целостность. Существующая в исследовательских подходах модернизированной империологии вариативность в вычленении признаков «империи», совершенно не исключала возможности выработки коммуникативного согласия в научном сообществе в отношении империи как ситуации политического контроля, навязанного одними политическими группами, действующему суверенитету других; экономической зависимости, а также культурной дифференциации между элитами и населением периферий империи, с одной стороны, и её центра, с другой.

Российская империя в XVIII – начале XX в., наследуя политическую традицию Московского централизованного государства, маркировала периферийные регионы в категориях вотчинного права, позиционируя приобретённые территории как «собственный Восток России», а население как новых подданных – субалтернов государства (Толыц, 2013; Эткинд, 2016). В данной системе координат российская экспансия «собственного Востока» носила ярко выраженный колониальный оттенок и демонстрировала асимметричность контактов между завоевателями, представлявшими мир знания и цивилизации, и завоёванными – мусульманами и язычниками, которые становились объектом культурной интеграции.

Репрезентация политического господства, экономической зависимости и культурной дифференциации находила предметное выражение в дискурсе русского цивилизаторства, протагонистами которого являлись имперские эксперты – публицисты, путешественники, чиновники, общественно-политические деятели, прямо или косвенно включённые в колониационное дело на восточных окраинах империи, ответственные за конструирование такого образа азиатской периферии, который соответствовал бы имперским амбициям и принципам политики населения России, реализуемой на окраинах.

В процессе экспансионистских мероприятий Российской империи в Центральной Азии во второй половине XIX в. и активной политики в отношении Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств, имевших для России важное торгово-экономическое и геополитическое значение, выдающуюся функцию форпостов русского административного присутствия и культурно-политического доминирования стали выполнять города, в частности, Ташкент. После несанкционированного центральной властью взятия Ташкента корпусом генерал-майора М.Г. Черняева в ходе российско-кокандского противостояния, размещения в городе русского военного гарнизона 17 июня 1865 г. и последующего принятия жителей в русское подданство, Ташкент становится административным и торгово-промышленным центром русских центрально-азиатских владений. В силу данного обстоятельства Ташкент во второй половине XIX в. представлял собой «площадку» разработки и реализации имперских принципов и практик управления обширным пространством Туркестанского края, а репрезентации Ташкента в дорожных травелогах путешественников, записках и отчётах чиновников воспроизводился образ города как имперской столицы Центральной Азии.

Имперский нарратив в контексте политического доминирования России в Центральной Азии в первую очередь проявлялся в риторике военного превосходства российского государства как представителя цивилизующей силы на восточной окраине. П.И. Пашино, российский учёный-востоковед, совершивший путешествие в Туркестан в 1866 г., когда воспоминания о взятии Ташкента ещё были достаточно свежими, о своём прибытии в город сообщал, что оно было встречено криками местных ребятишек: урус – хурус, что означало «русский – петух». По этому поводу путешественник высказался следующим образом: «Да, русские задали вам с 600-ми штыков такого петуха, которого вы никогда не забудете...» (Пашино, 1868: 90). Писатель Е. Марков в очерках своего путешествия по Средней Азии на рубеже XIX–XX вв., восхищаясь столичным обликом Ташкента, многочисленностью

улиц и их многолюдством, с особым чувством обратил внимание на повсеместное присутствие русских военных, до некоторой степени эстетизируя данный фактор: «Яркая белизна белых рубашек на беспрерывно снующих по улицам солдатиках и их яркие, как кровь, шаровары из козьей замши, - своеобразная особенность туркестанского войска, - еще больше веселят и молодят этот молодой, веселый народ» (Марков, 1901: 467). Панегирик российскому милитаризму в Ташкенте получает у автора дальнейшее развитие в эпитетах по поводу «ловкости и молодцеватости туркестанских солдат» и их особой значимости на далёкой окраине: «Солдат тут нужен всем и на каждом шагу. Он и защищает, он и устраивает, он и цивилизует... А что такое солдат в каком-нибудь Курске или в Шиграх? Кому и на что он нужен в обычное, мирное время?» (Марков, 1901: 467). Наблюдательный взор П.И. Пашино невольно фиксировал тотальное русское воинское присутствие на улицах Ташкента, среди которого регулярно встречались офицеры с сопровождавшими их казаками, солдаты в белых рубахах, красноватых штанах и кепи, часовые, гауптвахты и казармы (Пашино, 1868: 93). Историк и этнограф А.И. Добросмыслов, автор исторического очерка о Ташкенте периода 1865–1912 гг., в предисловии к изданию, подчеркнув значимость сохранения в памяти потомков «культуртрегеров кауфманского периода» (генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман – Авт.), особое внимание в своей работе уделил коммеморациям военного взятия Ташкента, получившим широкое распространение в 1880-х гг. В книгу автором были включены материалы о почитании памяти павших героев, которое заключалось в ежегодных публичных мероприятиях: крестный ход из военного собора с прохождением как через русскую, так и туземную части города, встречи ветеранов, панихида и пушечный салют, что должно было напомнить местным жителям, прежде всего коренному населению, об имперской мощи России в Туркестане (Добросмыслов, 1912: 58).

В имперский нарратив военного присутствия и доминирования в текстах имперских экспертов органично вплетаются репрезентации политической власти империи, олицетворением которой является Ташкент. Показательно, что в представлениях авторов описаний города образ российской власти конструировался из двух элементов – военного и штатского. При этом в текстах 1860–1890-х гг., относившихся к периоду утверждения России в Центральной Азии и административного обустройства городов, разграничение военного и гражданского отсутствует. У читателя складывается устойчивое ощущение абсолютного преобладания военной составляющей в организации политической власти в Туркестанском крае (Пашино, 1866; Маев, 1876). На рубеже XIX – XX столетий гражданский сегмент проявляется более рельефно. При этом он позиционировался как вспомогательный элемент, коннотация определяющего, военного начала. Е. Марков проницательно отмечал, что «фигура штатского в Ташкенте выделяется каким-то резким диссонансом среди сплошного моря военных форм», а людей в гражданском платье именуют вольными, поскольку «военный народ находится здесь не по собственной воле, а по приказу начальства» (Марков, 1901: 467-468). Знаковые изменения, по всей вероятности, происходят в первое пятнадцатилетие XX в., когда полное исчезновение военной угрозы, массовые переселения крестьян и развитие хлопководства существенно скорректировали облик Туркестана, а вместе с этим и административную организацию Ташкента как центра политической жизни региона. В.П. Воцинин, сравнивая в своих путевых записках «старый» и «новый» Ташкент, описывает последний в риторике будущего экономического центра Средней Азии как «город, стоящий среди обширного и плодороднейшего оазиса» (Воцинин, 1914: 10-11). Воцинин заключает, что Ташкент – город русский, с дворцом генерал-губернатора, собором, домиком Черняева, памятником Кауфману, огромными магазинами, театрами и т.д. (Воцинин, 1914: 11). В.П. Воцинин воспроизводит в своих очерках широкую панораму культурной и народнохозяйственной жизни Туркестанского края и его главных городов, смещая акценты от русского военного присутствия к гражданскому администрированию, посвятив значительную часть текста вопросам организации обустройства и водворения переселенцев. Репрезентации власти империи в гражданских тонах наиболее рельефно прослеживаются в мемуарах видного чиновника Переселенческого управления МВД А.А. Татищева, неоднократно посещавшего Ташкент по делам службы (1906–1914 гг.). В мемуарах Татищева имперский нарратив города наполняется новым содержанием, что было выражено в оценке им генерал-губернаторской власти, представители которой, в частности генерал А.В. Самсонов, «гражданскими вопросами, в отличие от многих военных, стали интересоваться не меньше, чем делами военного округа» (Татищев, 2001: 147). Своеобразный «дрейф» в реализации гражданских, а не военных функций власти А.А. Татищев выразил фразой: «Как ни странно, центром “общества” являлись в Ташкенте не семьи военных, а судейских – членов Судебной палаты» (Татищев, 2001: 160). Выполняя служебные поручения по переселенческому ведомству и проживая в Ташкенте, А.А. Татищев в воспоминаниях вывел на первый план широкий круг лиц, включённый в гражданскую деятельность, связанную с организацией землепользования в Туркестанском крае, однако не мог не обратить внимания на атмосферу Ташкента и сохранившиеся ритуалы репрезентации империи и её политического могущества. Мемуарист особо подчёркивал раздельность и замкнутость «туземного» и «русского» Ташкентов и традицию, в соответствии с которой «в царские дни, представители “туземного” города, седобородые сарты в национальных халатах, после молебна на площади перед собором изъявляли генерал-губернатору чувство верноподданнической преданности населения» (Татищев, 2001: 157).

Риторика экономического доминирования Российской империи в Центральной Азии, как часть имперского нарратива в репрезентациях Ташкента, строилась в нескольких направлениях.

Во-первых, в описаниях, относившихся к начальной стадии утверждения Российской империи в Туркестане, путешественники акцентировали внимание на экономико-этнографических аспектах деятельности инородцев, особо подчёркивая склонность сартов – коренной и довольно многочисленной этнической группы Ташкента к ведению разнообразных торговых операций, что вызывало прагматический интерес у имперских экспертов (Пашино, 1866; Маев, 1876; Хорошхин, 1876). А.И. Добросмыслов, констатируя значимость ташкентской торговли для распространения имперского влияния в Туркестане, ссылаясь на нормативно-правовое решение первых ташкентских градоначальников, предполагавшее закрытие старого городского базара и перенос всей торговли в русскую часть города (Добросмыслов, 1912: 366). Н.А. Маев осуществил детальное исследование всех 48 махалле (районов) Ташкента на предмет их хозяйственной специализации, выделив группы сапожников, литейщиков, мельников, маслобоев, ткачей, а также довольно широкий слой земледельцев, занимавшихся садоводством, огородничеством, выращиванием сельскохозяйственных культур (Маев, 1876: 262-271).

Во-вторых, российские путешественники, в разные годы наблюдая Ташкент, стремились во что бы то ни стало отыскать такие образцы хозяйственно-экономического поведения своих соотечественников, которые стали бы надёжным аргументом в деле седентаризации кочевников и пропаганде земледельческих занятий как инструмента русского культуртрегерства в среде коренного населения – сартов. А.П. Хорошхин, признававший факт распространения земледелия у сартов, недвусмысленно указывал на низкую эффективность отрасли «при вопиющем несовершенстве здешних земледельческих орудий и патентованной лени сартов, – народа с наклонностями преимущественно торговыми...» (Хорошхин, 1876: 105). Н.А. Маев на страницах своего повествования с восторгом рассказывал о посещении знакомого русского поселенца-земляка, жившего «припеваючи уютным хуторком на берегу глубокого арыка, в тенистом саду, с холмов которого открывается красивый вид на Шаз-Баш и его окрестности, а хозяйство его – полная чаша» (Маев, 1876: 404). Общим местом многих записок и мемуаров имперских путешественников-экспертов являлось обращение к сельскохозяйственным экспериментам великого князя Николая Константиновича, жившего в Ташкенте, увлекавшегося орошением Голодной степи и построившего несколько русских посёлков в пойменной части р. Сырдарьи и около линии Среднеазиатской железной дороги (Татищев, 2001: 92).

В-третьих, погружение в тексты записок, дневников, воспоминаний путешественников и чиновников позволяет проследить, как эволюционировали представления имперских экспертов о потенциальных колонизационных практиках в Туркестанском крае и организующей роли Ташкента в этих процессах. Авторы, оставившие описания города и региона, относившиеся к 1860–1870-м гг., преимущественно ограничивались характеристикой природно-климатических условий Ташкента и прилегающих территорий, а также рода занятий, включая земледелие, садоводство и огородничество среди местного населения (Пашино, 1866; Маев, 1876). Симптоматично, что сведения путешественников раннего периода русской колонизации Туркестана, особенно в части сюжетов о садоводстве, наглядно демонстрируют имперский приём экзотизации «другого». А.П. Хорошхин констатировал: «Наружного вида город Ташкент не имеет. Эта оригинальная особенность присуща всем среднеазиатским городам, потому что все они закрыты садами» (Хорошхин, 1876: 79). Стоит отметить, что авторы практически повсеместно писали о необходимости совершенствования оросительной системы как важного условия русского доминирования в крае и желания преобразовать Ташкент «из Иерусалима или другого библейского города» (Хорошхин, 1876: 81) – в русский город.

Реализация этого желания, с точки зрения имперских экспертов конца XIX – начала XX в., могла осуществиться только посредством распространения русского земледелия и активного культурного влияния переселенцев из Европейской России. В.В. Наливкин, анализируя в начале XX столетия полувековой опыт русского присутствия в Туркестане, особо отмечал, что первоначальным импульсом к развитию пашенного земледелия в регионе стали сугубо прагматичные нужды: «Появление в крае русских войск, чиновников и торговцев, ничего материально не производивших, и вместе с тем привыкших к удовлетворению... относительно широких потребностей, ...предъявлявших требования на значительные количества разного рода сельскохозяйственных продуктов..., сразу же дало сильный толчок многим отраслям туземного сельского хозяйства, лесоводства, садоводства и виноградарства» (Наливкин, 1913: 89). По убеждению Наливкина, государственные интересы в Средней Азии не могли ограничиться простым завоеванием и предполагали завоевание этнографическое, производимое путём широкой колонизации. Автор констатировал, что в начальной стадии колонизационного дела и обустройства захваченных орошаемых земель у власти не было ничего, кроме «неутомленного желания, непреклонного решения... любой ценой добиться устройства хотя бы нескольких посёлков» (Наливкин, 1913: 99-100). В.П. Вошинин, прибывший в Ташкент в 1912 г., с пиететом писал о новом русском Ташкенте, акцентируя внимание на том, что признаки культурного различия наблюдаются на туркестанских полях, где «...в прежних бесплодных степях, только теперь орошаемых, начинает селиться русский

народ, а с ним вместе... в толщу незапамятных туземных предрассудков и верований начинает проникать и культура русская. Так... растёт и крепнет Туркестан русский» (Вошинин, 1914: 12). В.П. Вошинин, отмечая продуктивность русского культуртрегерства в аграрной сфере, резюмировал: «...через год или два – прежний кочевник-киргиз засеивает уже поле пшеницей, а сарт – представитель тысячелетней первобытной туземной хлопковой культуры – вдруг приобретает машины...» (Вошинин, 1914: 79).

А.А. Татищев, назначенный в 1911 г. начальником Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ, в мемуарах довольно часто обращал внимание, что переселенческое дело в Туркестане и организация переселенческих посёлков – имперский проект, разработанный Военным министерством, чиновники которого главной задачей видели орошение новых пространств за казённый счёт и последующим расселением на новых местах исключительно крестьянами русского происхождения (Татищев, 2001: 146). Повествуя о сложной иерархии управления переселениями и землеотводными работами в Туркестанском крае, чиновник конструировал образ Ташкента как бюрократического центра Средней Азии, выполнявшего задачи государственного строительства на востоке, классическими для империи средствами: «На мне, как начальнике Управления земледелия, лежала задача следить за тем, чтобы местные чины нашего ведомства не упускали из вида необходимость увеличения дохода казны, в то же время считались с особыми условиями жизни местного населения и не перетягивали струны обложения» (Татищев, 2001: 150). Важной составляющей имперского нарратива в воспоминаниях Татищева о его службе в Ташкенте являлось описание организации хлопкового производства, распространённого в хозяйстве сартов ещё до начала русского завоевания. Во фрагментах, посвящённых характеристике хлопкового дела и создания специальных опытных станций, отчётливо проступает риторика человека империи – носителя знания, в то время как сарты просто работали на плантациях из доли урожая, передавая семена агроному (Татищев, 2001: 150).

Имперский нарратив в репрезентациях Ташкента в экспертных текстах неизменно присутствовал в формате демонстрации культурного несходства между элитарными сообществами и основной массой коренного населения земель азиатской периферии, присоединённых Россией. Образ «другого» в записках, очерках, воспоминаниях путешественников, публицистов, чиновников воссоздаётся по цивилизаторскому канону, для которого характерно, прежде всего, линейное, без учёта этнографических различий, восприятие коренного населения как «варварского народа», генерирующего опасность для «человека власти и культуры». Е. Марков, во время поездки по сартскому Ташкенту, обратил внимание, что всё движение прибывших русских по данной части города обязательно производилось с военным сопровождением, комментируя ситуацию так: «Признаюсь, я всегда с благодарностью поминаю этот умный восточный обычай, без которого нашему брату, скромному европейскому туристу, далеко не один раз пришлось бы плохо среди этой галдящей и толкающейся азиатчины» (Марков, 1901: 515).

Имперский нарратив в дискурсе путешественников, прибывших в Ташкент, рефреном повторяется в оценке неспособности инородцев к принятию культуры модерна, что достижимо только при условии русского влияния. Степной пристав, встретившийся в дороге П.И. Пашино, в своей беглой характеристике киргизов, отмечал: «Это народ до геройства честный, самолюбивый, ребячески-наивный и забитый», добавляя при этом: «С этими джатаками ничего не поделаешь. Выстроишь им избу, дашь лошадь, корову, поле вспашешь... Казалось бы, живи – не хочу, а он, злодей, продаст тихомолком хлеб на корню и купит себе юрту» (Пашино, 1866: 4). Художник В.В. Верещагин, посетивший Туркестан в конце 1860-х гг., с негодованием писал о гигантском распространении рабовладения среди центральноазиатских народов, замечая, что только благодаря русскому завоеванию и культурному влиянию с этим злом удалось покончить (Верещагин, 1883: 6). А.П. Хорошхин, на страницах очерков о Туркестане и Ташкенте, с циничным цивилизаторским апломбом рассуждал о политической и культурной аномии среднеазиатских народов, которые «измельчали, пережили самих себя до того, что стали нуждаться в толчке извне, но постороннему влиянию не было другого пути сюда, кроме того, которым оно зашло, а именно войны. Началась эта война (1868 г.) и в ней обнаружилась духовная скудость национальностей, благодаря замкнутости и безобразным формам их государственного строя» (Хорошхин, 1876: 501).

Поддержание культурной дистанции между колонизируемыми и колонизаторами повсеместно в материалах путешественников осуществляется с опорой на приём этнографической экзотизации инородцев. В отчётах о поездках в Среднюю Азию и материалах для статистики Туркестанского края (Маев, 1876; Дудин, 2021) в «оптике» авторов часто оказываются вопросы образа жизни, хозяйственных занятий, внешнего облика, пищевых привычек инородцев, в частности коренных обитателей Ташкента – сартов. Н.А. Маев, например, в отношении данной этнографической группы несколько преувеличенный акцент сделал на аддитивном аспекте питания сартов, детально описав использование ими широкого спектра наркотических веществ (буза, кокнар) и табачных изделий с добавлением конопляных элементов (Маев, 1876: 274-276). В.В. Верещагин детально описывал деятельность календарханов – приютов для нищих, ставших в городах Туркестана эпицентром пьянства и употребления опиума (Верещагин, 1883: 9).

Необходимо сказать, что в конце XIX – начале XX в. в связи с эскалацией переселений в Туркестан и широким развёртыванием оросительных мероприятий в интересах хлопководства мотив экзотизации коренного населения постепенно элиминировался из имперского дискурса. А.А. Татищев в воспоминаниях лаконично передал производственную атмосферу начала XX в., в которой не оставалось места для глубокой имперской рефлексии: направляясь в Голодную степь по организационным вопросам орошения, Татищев не стал заезжать в некоторые города – Хиву и Бухару, объяснив это тем, что они не представляли для него особого интереса: «Обычные туземные города с домами, окружёнными земляными стенами...» (Татищев, 2001: 91). Только в Ташкенте он решил ненадолго остановиться, но не экзотики ради, а надеясь обсудить производственные проблемы с начальником Туркестанского управления А.В. Успенским (Татищев, 2001: 91-92). А.И. Добросмыслов, составляя в 1911-1912 гг. исторический очерк Ташкента, отдав необходимую дань людям, стоявшим у истоков завоевания Туркестана, на первый план вывел широкую палитру сюжетов, связанных с организацией управления, медико-санитарной и юридической частью города, сместив имперские оценки от коренного населения к бюрократическому аппарату и эффективности его работы на окраине (Добросмыслов, 1912: 51-122). В.П. Воцинин, ограничившись краткой ссылкой на подробные описания Ташкента другими авторами, сделал общий вывод о том, что «новый» Ташкент – это уже Европа с её культурой и внешностью» (Воцинин, 1914: 11), а имперское присутствие связывал с мерами земледельческой колонизации, рассматривая Ташкент в качестве форпоста переселенческого дела.

5. Заключение

Подведём итоги. Во второй половине XIX – начале XX в. дискурс г. Ташкента, репрезентируемый в текстах путешественников, публицистов, чиновников, общественных деятелей, ставших очевидцами и участниками завоевания и обживания Туркестанского края, основывался на имперской риторике, а имперский нарратив прямо или косвенно присутствовал в оценочных суждениях экспертов. Фактор военного захвата Ташкента и последующего политического доминирования фиксировался в повторявшихся с высокой частотой описаниях функций и роли военного гарнизона, квартировавшего в столице новоприобретённого региона, соотношения военных и штатских лиц, наличия военизированной бюрократии, решавшей через столичную резиденцию широкий круг военно-административных задач.

Имперская риторика, используемая в процессе конструирования образа Ташкента, охватывала также и сферу экономики, продвигая задачу демонстрации преимуществ хозяйственных моделей и стереотипов поведения русского народа, что стало возможным в результате военного и политического утверждения России в Туркестане и выбора Ташкента в качестве административно-политической и экономической столицы края. В представлениях имперских экспертов Ташкент, будучи городом двуликим (туземным и русским), задавал некий формат культурной дистанции, разделявшей элиту – «человека власти и культуры» и коренное население – имперских субалтернов, от которых требовалась покорность и регулярное подтверждение легитимности «белого» царя и правомочности цивилизующей миссии русского народа.

Вместе с тем, по мере распространения в крае земледельческих практик и включения Ташкента в орбиту управления аграрной колонизации, происходили изменения и в самом имперском нарративе, терявшем свою цивилизаторскую прямолинейность и милитаристскую однозначность, что свидетельствовало о готовности имперской власти проявлять пластичность в решении колонизационных задач на рубеже XIX – XX вв.

Литература

- Абашин, 2016 – Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 880 с.
- Беккер, 2024 – Беккер С. Россия в Центральной Азии (1865-1924). М.: Центрполиграф, 2024. 351 с.
- В поисках..., 2004 – В поисках новой имперской истории. Предисловие / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. 652 с.
- Верещагин, 1883 – Верещагин В.В. Очерки. Наброски. Воспоминания. Из путешествия по Средней Азии. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1883. 155 с.
- Воцинин, 1914 – Воцинин В.П. Очерки нового Туркестана. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914. 86 с.
- Добросмыслов, 1912 – Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Тип. О.А. Порцева. 520 с.
- Дудин, 2021 – Дудин С.М. Отчёт о поездках в Среднюю Азию в 1900-1902 гг. М.: Фонд Маржани, 2021. 559 с.
- Козинцев, Почекаев, 2022 – Козинцев М.А., Почекаев Р.Ю. «Заметки туриста» Ш.М. Ибрагимова как источник по истории и географии Туркестанского края // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 2 (49). С. 86-98.

- Левтеева, 1986 – Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент: Фан, 1986. 144 с.
- Маев, 1876 – Маев Н.А. Материалы для статистики Туркестанского края. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1876. 313 с.
- Макарова, Мишланова, 2024 – Макарова Т.С., Мишланова С.Л. Критический анализ исторического дискурса. Пермь: ПГНИУ, 2024. 111 с.
- Марков, 1901 – Марков Е. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям и Каспийскому морю и Волге. Т.1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 541 с.
- Наливкин, 1913 – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Электрич. типо-лит. Турк. т-ва печатного дела, 1913. 144 с.
- Пашино, 1868 – Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб.: Тип. Теблена, 1868. 176 с.
- Потанин, 1908 – Потанин Г.Н. Города Сибири// Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234–259.
- Сартори, 2022 – Сартори П. Идеи о справедливости. Шариат и культурные изменения в русском Туркестане. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 480 с.
- Суворова, Кадилов, 2015 – Суворова Н.Г., Кадилов Э.Р. Колонизационные тексты имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 4 (8). С. 174-193.
- Татищев, 2001 – Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906-1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.
- Тольц, 2013 – Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Филлипс, Йоргенсен, 2008 – Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- Хорошкин, 1876 – Хорошкин А.П. Сборник статей касающихся до Туркестанского края. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1876. 531 с.
- Чуркин, 2022 – Чуркин М.К. Репрезентации власти и общества Кокандского ханства в травелогах русских путешественников первой половины XIX в. / Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: Мат-лы второй Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956-2019). Барнаул: БЮИМВД, 2022. С. 68-73.
- Эткинд, 2016 – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
- Эткинд и др., 2012 – Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С.6-53.
- Tokmurzaev, 2022 – Tokmurzaev, B.S., Elshibaev, S.K., Apasheva, S.N. (2022). The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century. *Bylye gody*. 17(2): 666-676.

References

- Abashin, 2016 – Abashin, S.N. (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii: monografiya v dokumentah [Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents]. М.: Kuchkovo pole, 880 p. [in Russian]
- Bekker, 2024 – Bekker, S. (2024). Rossiya v Tsentralnoi Azii (1865-1924) [Russia in Central Asia (1865-1924)]. М.: Tsentrpoligraf, 351 p. [in Russian]
- Churkin, 2022 – Churkin, M.K. (2022). Reprezentacii vlasti i obshchestva Kokandskogo hanstva v travelogah russkikh puteshestvennikov pervoj poloviny XIX v. [Representations of power and society of the Kokand Khanate in travelogues of Russian travellers of the first half of the nineteenth century]. *Sibir' v fokuse istoricheskikh, vostokovednykh i pravovykh issledovaniy: Mat-ly vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vladimirovicha Starceva (1956-2019)*. Barnaul: BYUIMVD, pp. 68-73. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1912 – Dobrosmyslov, A.I. (1912). Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskij ocherk [Tashkent in the past and present. Historical sketch]. Tashkent: Tip. O.A. Porceva. 520 p. [in Russian]
- Dudin, 2021 – Dudin, S.M. (2021). Otchyot o poezdках v Srednyuyu Aziyu v 1900-1902 gg. [Report on trips to Central Asia in 1900-1902]. М.: Fond Marzhani, 559 p. [in Russian]
- Etkind, 2016 – Etkind, A. (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]
- Etkind i dr., 2012 – Etkind, A., Uffel'man, D., Kukulin, I. (2012). Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdu praktikoј i voobrazheniem [Russia's internal colonization: between practice and imagination]. Там

vnutri. Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul'turnoi istorii Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 6-53. [in Russian]

[Fillips, Jorgensen, 2008](#) – *Fillips, N., Jorgensen, M.* (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method.]. Xar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 352 p. [in Russian]

[Horoshkhin, 1876](#) – *Horoshkhin, A.P.* (1876). Sbornik statej kasayushchihsya do Turkestanskogo kraja [Collection of articles concerning the Turkestan Territory]. St. Petersburg: Tip. A. Transhelya, 531 p. [in Russian]

[Kozincev, Pochekaev, 2022](#) – *Kozincev, M.A., Pochekaev, R.Yu.* (2022). «Zametki turista» Sh.M. Ibragimova kak istochnik po istorii i geografii Turkestanskogo kraja [‘Notes of a tourist’ by Sh.M. Ibragimov as a source on the history and geography of the Turkestan region]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. 19. 2(49): 86-98. [in Russian]

[Levtееva, 1986](#) – *Levtееva, L.G.* (1986). Prisoedinenie Srednej Azii k Rossii v memuarnyh istochnikah (istoriografiya problemy). Tashkent: Fan, 144 p. [in Russian]

[Maev, 1876](#) – *Maev, N.A.* (1876). Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraja [Materials for statistics of the Turkestan region]. St. Petersburg: Tip. A. Transhelya, 313 p. [in Russian]

[Makarova, Mishlanova, 2024](#) – *Makarova, T.S., Mishlanova, S.L.* (2024). Kriticheskij analiz istoricheskogo diskursa [Critical analysis of historical discourse]. Perm': PGNIU, 111 p. [in Russian]

[Markov, 1901](#) – *Markov, E.* (1901). Oчерki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Buhare, Samarkandskoj, Tashkentskoj i Ferganskoj oblastyam i Kaspijskomu moryu i Volge [Sketches of a journey through Transcaucasia, Turkmenia, Bukhara, Samarkand, Tashkent and Fergana regions and the Caspian Sea and Volga]. T. 1. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 541 p. [in Russian]

[Nalivkin, 1913](#) – *Nalivkin, V.P.* (1913). Tuzemcy ranshe i teper' [The natives before and now]. Tashkent: Elektrich. tipo-lit. Turk. t-va pechatnogo dela. 144 p. [in Russian]

[Pashino, 1868](#) – *Pashino, P.I.* (1868). Turkestanskij kraj v 1866 godu. Putevye zametki [Turkestansky kraj in 1866. Travelling notes]. St. Petersburg: Tip. Teblena, 176 p. [in Russian]

[Potanin, 1908](#) – *Potanin, G.N.* (1908). Goroda Sibiri [Cities of Siberia]. Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy. St. Petersburg. Pp. 234-259. [in Russian]

[Sartori, 2022](#) – *Sartori, P.* (2022). Idei o spravedlivosti. SHariat i kul'turnye izmeneniya v russkom Turkestane [Ideas of Justice. Shariah and cultural changes in Russian Turkestan]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 480 p. [in Russian]

[Suvorova, Kadikov, 2015](#) – *Suvorova, N.G., Kadikov, E.R.* (2015). Kolonizacionnye teksty imperskih ekspertov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [Colonisation texts of imperial experts (second half of the XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 4(8): 174-193. [in Russian]

[Tatishchev, 2001](#) – *Tatishchev, A.A.* (2001). Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906-1921) [Lands and People. In the thick of the resettlement movement (1906-1921)]. M.: Russkij put', 376 p. [in Russian]

[Tokmurzaev, 2022](#) – *Tokmurzaev, B.S., Elshibaev, S.K., Apasheva, S.N.* (2022). The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century. *Bylye gody*. 17(2): 666-676.

[Tol'ts, 2013](#) – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period. [“Russia's own East”: identity politics and orientalism in the late imperial period]. Moscow, 336 p. [in Russian]

[V poiskah..., 2004](#) – V poiskah novej imperskoj istorii. Predislovie [In search of a new Imperial history]. *Novaya imperskaya istoriya postsovet'skogo prostranstva: Sb. statej*. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semyonova. Kazan': «Centr Issledovaniya Nacionalizma i Imperii», 2004. 652 p. [in Russian]

[Vereshchagin, 1883](#) – *Vereshchagin, V.V.* (1883). Oчерki. Nabroski. Vospominaniya. Iz puteshestviya po Srednej Azii [Sketches. Sketches. Memories. From the journey through Central Asia]. St. Petersburg: Tip. Ministerstva putej soobshcheniya, 155 p. [in Russian]

[Voshchinin, 1914](#) – *Voshchinin, V.P.* (1914). Oчерki novogo Turkestana [Sketches of New Turkestan]. St. Petersburg: Tip. t-va «Nash vek», 86 p. [in Russian]

Имперский нарратив в дискурсе г. Ташкента второй половины XIX – начала XX в.

Садокат Максудовна Маткаримова ^{a, *}, Шакир Хаитбаевич Юсупов ^a,
Юлдаш Хандурдиевич Юулдашев ^a, Нафосат Хурматбек кизи Ботирова ^b

^a Университет Мамуна, Хива, Республика Узбекистан

^b Ургенчский государственный университет им. Абу Райхана Беруни, Ургенч, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье, на материалах путевых очерков, записок и воспоминаний путешественников в Центральную Азию, раскрываются имперские представления о путях и вариантах освоения Туркестанского края, культурной интеграции коренного населения в российский социум во второй половине XIX – начале XX в. Предметной сферой исследования является имперский нарратив репрезентаций Ташкента как форпоста российской колонизации на восточных окраинах страны. Выбор хронологических границ объясняется особым интересом имперских экспертов к конструируемому городскому пространству Туркестана, процесс которого стартовал с завоевания г. Ташкента корпусом генерал-лейтенанта М.Г. Черняева и продолжался в первые полтора десятилетия XX в. В ходе исследования установлено повсеместное присутствие имперского нарратива в текстах экспертов, что оказалось запечатлено в риторике военного превосходства России в реализации цивилизаторской миссии на Востоке и стало основанием для формирования дискурса Ташкента как центра имперского доминирования в политической сфере. Детальные описания Ташкента в материалах путешествий, отчётах и очерках позволили также констатировать значимость для экспертов организации экономических отраслей в Туркестане в соответствии с российскими земледельческими традициями, что сопровождалось экзотизацией образа жизни и хозяйственной деятельности коренного населения.

Создаваемый авторами образ Ташкента строился в соответствии с представлениями российских интеллектуалов о классической ориентальной модели взаимодействия «цивилизации» и «варварства», коммуникации «человека власти и культуры» с имперским субалтерном, нуждавшимся в стороннем влиянии. С этой целью составители материалов репрезентировали в своих текстах два Ташкента: «туземный», инородческий, и русский – военный, бюрократический, выдвигая на первый план имперский принцип культурной дистанции в организации и функционировании социального пространства.

Ключевые слова: имперский нарратив, дискурс, имперские эксперты, Ташкент, Туркестанский край, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sadokatmatkarimova@yandex.ru (С.М. Маткаримова),
shakiryusupov75@gmail.com (Ш.Х. Юсупов), yuldashevyo7@gmail.com (Ю.Х. Юулдашев),
nafosatbotirova90@gmail.com (Н.Х.к. Ботирова)